

Александр Грин

Ксения Турпанова

Александр Грин
Ксения Турпанова

«Public Domain»

1912

Грин А. С.

Ксения Турпанова / А. С. Грин — «Public Domain», 1912

«Жена ссыльного Турпанова, Ксения, оделась в полутемной прихожей, тихонько отворила дверь в кладовую, взяла корзину и, думая, что движется неслышно, направилась к выходу. Из столовой вышел Турпанов. Ксения смущенно засмеялась, делая круглые невинно-виноватые глаза и наспех соображая, как обмануть мужа. Но он уже увидел корзинку...»

Содержание

I	5
II	7
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Степанович Грин

Ксения Турпанова

I

Жена ссыльного Турпанова, Ксения, оделась в полутемной прихожей, тихонько отворила дверь в кладовую, взяла корзину и, думая, что двигается неслышно, направилась к выходу. Из столовой вышел Турпанов.

Ксения смущенно засмеялась, делая круглые невинно-виноватые глаза и наспех соображая, как обмануть мужа. Но он уже увидел корзинку.

– Куда ты, Ксеньюшка? – спросил хорошо выспавшийся Турпанов.

– Я – в лавочку... муки надо и соли. – Она открыла дверь, но муж схватил ее за руку и стал целовать в ухо.

– Не надо муки, не надо соли, – проговорил он, – на дворе сыро, слякоть.

– Я резиновые надела, – сказала молодая женщина. – Пусти меня.

– Пошли девушку.

– Но я не могу без свежего воздуха, мне надо гулять, я засиживаюсь.

– Ну, иди, иди, – лениво сказал Турпанов, расчесывая бороду гребешком.

Ксения кивнула головой и сбежала по лестнице. На дворе ей встретился Кузнецов. Это был круглоголовый, серый, семинарского типа человек, лет под тридцать, в рыжем драповом пальто, скучный и нездоровый.

– Дома Влас Иванович? – спросил он, вяло здороваясь, и, получив утвердительный ответ, поднялся наверх.

– Раздевайтесь, – сказал Турпанов. – Жену видели? Что нового?

Кузнецов хмыкнул, потирая озябшие руки, долго смотрел в глаза Турпанову и, словно очнувшись, скинул пальто.

– А? Нового? – сказал он. – Ничего нового нет. Я спрашивал у мужиков, когда река встанет. Никто ничего не знает. Лет тридцать, говорят, такой зимы не было. Теперь ведь шестое. А?

– Да, шестое ноября. – Турпанов расстегнул воротник сорочки, выпятив круглую, белую, волосатую грудь, и стал растирать ее ладонью. – Я хорошо выспался. Надоело сидеть на острове.

Поздняя северная зима сильно угнетала жителей Тошного острова. Река медлила замерзнуть; легкое ледяное сало, а потом более крупный, сломанный оттепелями лед плыл, загромаждая русло грязно-белой коркой; по временам льдины скоплялись у берегов, примерзали, и вода затягивалась стекловидным полувершковым льдом; он держался ночь, а утром таял, дробился и уплывал в море. Маленькие пароходы, бегавшие летом из города к острову и обратно, постепенно перестали ходить совсем. Тошноостровцы вздыхали о санной дороге и маялись.

– Пароходы больше не пойдут, я думаю, – сказал Турпанов. – А хорошо бы в город попасть. Пообедать в ресторане, сходить в кинематограф даже просто пройти по улицам.

– Глафира Федоровна вчера мужа за обедом ругала, – захохотал Кузнецов, – я даже в тарелку прыснул. «Дурак, идиот, скотина», а он сидит и краснеет. Вчера зашел к Меркулову, он сидит и бьет себя по коленке молоточком – купил специально молоточек. На одной ноге стоял, – забавно смотреть. Сухотку спинного мозга отыскивает.

– Значит, все по-старому, – усмехнулся Турпанов. – А в табурлет сыграем?

Расположившись в одной из трех комнат турпановской квартиры, они сыграли несколько партий. Выиграл Кузнецов. Карты скоро надоели. После унылого молчания, во время которого каждый думал о своем, кура папиросу за папиросой, Кузнецов встал и собрался идти обедать.

Посещение им Турпанова не имело другой цели, кроме потребности потолкаться в чужом доме; это было обычное бестолковое, хмурое хождение ссыльных друг к другу. На острове, в деревне их было семь человек, они жили замкнуто, хотя и виделись часто, говорили о пустяках и втихомолку сплетничали. Ксения не была ссыльной, она приехала к мужу с юга. Жизнь на севере казалась ей тоскливой и мрачной.

II

Короткий ноябрьский день переходил в сумерки Трехверстная ширина реки убегала в редком тумане к смутным контурам городских зданий, церковей и зимующих у набережной морских пароходов, издали, с острова, все это казалось зубчатой тоненькой лентой. Медленно плыл, кружась, грязный, изрытый дождями лед; на льдинах сидели вороны; сиплое карканье их надоедливо будило тишину. У дамбы, среди обмелевших лодок, стояли мужики; большой карбас, спущенный на воду, тыкался кормой в камни. Мужик без шапки, растрепанный, под хмельком, кричал:

– Кладь тащи, Емельян, да доски, доски приволоки, ловчае!

Мужик, стоявший на дамбе, отчаянно махал руками в сторону переулка, откуда, медленно потягивая сани с грузом, осторожно, чтобы не оступиться на гололедице, выступала пегая лошадь. Рядом с лошастью шел высокий, кривоплечий старик без седины, с темным лицом.

– Привороты корму, – закричал он, – таскай, сто пудов взял, шестеро вас поедет, али как?

– Все тут, – сказал мужик без шапки и, широко расставляя ноги, потащил зашитый в рогожу ящик. Это были сельди из коптильни высокого старика Татарьина. Он поставлял их в городские рыбные лавки.

Остальные, скупно и медленно шевелясь, как во сне, по снимали с саней груз, закладывая им середину карбаса. Борту сели почти вровень с водой. Гора ящичков, прикрытая рогожей, разделяла корму от носа. Молодой парень в желтой клеенчатой винцероде¹ принес две длинные тесовины, – переходить, если понадобится, лед у городского берега.

– Степан Кирилыч, увезите и меня, пожалуйста, – сказала, проходя, Ксения.

Татарьин обернулся. Он был хозяин дома, в котором жили Турпановы.

– Садись, барыня, увезу, – деловито сказал он, шлепая сапогами по луже.

Мужики, бросив работу, тупо смотрели на барыню; один, неизвестно почему, ухмыльнулся, почесав за ухом. Ксения спустилась к воде. Мутно-желтая пена двигалась вдоль карбаса, шурша льдом. Маленькая, темно-русая женщина слегка боялась этой суровой воды, утлого карбаса, загадочных мужиков, льдин, серого неба, но в то же время боязнь приводила ее в легкое восхищение. Ей казалось, что плыть на карбасе совсем не обыкновенное дело, которым сотни лет, изо дня в день, занимается население, а такое же загадочное и новое, как, например, дрессировка змей. Самое себя она чувствовала теперь тоже не балованной городской женщиной, а новой, расположенной к мужикам и мужицкому Ксенией, которую мужики не могут только видеть, а если б увидели, то загалдели бы в ее присутствии, не стесняясь.

В то время, когда она, смотря на карбас и реку, думала, что все готово и можно ехать, мужики действительно загалдели все сразу, и нельзя было понять, в чем дело, тон голосов их заставил бы непривычного человека подумать, что случилось что-то такое важное, что ехать совсем нельзя. Покричав, все, однако, успокоились и начали размещаться. Четверо сели на носу, в весла, один – на корме; Татарьин подошел к Ксении, говоря:

– Садитесь, барыня, на скамеечку.

Ксения ступила одной ногой на борт, ожидая, что от этого карбас сразу наклонится и черпнет воды, но судно почти не шелохнулось. Татарьин бросил на сиденье кусок брезента; в карбасе было тесно и сыро.

– Садитесь вот, посушее. Поехали. С богом!

¹ Винцерода – плащ из непромокаемой ткани.

III

Татарьин держал руль. Короткий плеск четырех весел мерно удалял карбас от берега. Черные кучи домов отходили в сторону и назад. Ксения сидела лицом к корме, плотно обтянув юбкой ноги; ей было слегка холодно и чуть-чуть страшно. За ее спиной и за грудой ящиков невидимые гребцы о чем-то говорили вполголоса; разговор их был отрывист и глух. «О чем бы таком интересном подумать?» – мысленно произнесла Ксения. Но мысли были только о том, что непосредственно относилось к настоящему положению. Она думала, что муж будет в большом недоумении, узнав об ее поездке, пожалуй, беспокоится, а потом, когда завтра она вернется, – обрадуется и удивится. Она любила его сильной, думающей любовью. «Такой большой и славный, очень милый», – мелькнуло в голове Ксении.

Дул ровный, холодный ветер; мужики умолкли, а Татарьин, изгибаясь во все стороны, рассматривал проходящий лед, и Ксении казалось, что мужики не разговаривают потому, что ее присутствие их стесняет. От этой мысли ей стало неловко, она спросила более громко, чем было нужно:

– А сегодня назад поедете?

– Там видно будет, – сказал Татарьин и, помолчав, прибавил: – Из Заостровья попадать плохо теперь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.